

*Soda
Press*

Ольга Птицева

СЕСТРЫ
ОЗЕРНЫХ
ВОД

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
П873

Книга издана с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Птицева, Ольга.

П873 Сестры озерных вод : [роман] / Ольга Птицева. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 368 с. — (Хроники болотного края).

ISBN 978-5-04-243723-6

Леся просыпается в глухом лесу, с кровоточащей раной на голове и без малейшего представления, как сюда попала. Ее спасает незнакомый мужчина и полуживую приносит в дом своей семьи. Так Леся попадает к старухе Аксинье. Здесь, в непроходимой чащобе, люди живут бок о бок с лесными духами и болотными тварями. Законы и мораль, привычные городским жителям, тут бесполезны, и, чтобы вернуться домой, Лесе придется понять этот мир и научиться договариваться с его обитателями.

«Сестры озерных вод» — первая часть дилогии «Хроники болотного края» Ольги Птицевой. Колдуни и лешие, наговоры и заклинания — пестрый и мрачный славянский фольклор врывается в жизнь современных городских жителей, переворачивая их представления о мире и о себе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Ольга Птицева, 2019

© Издание, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Soda Press

ISBN 978-5-04-243723-6

Cover art by © Corey Brickley, 2023

*О чем ты шумишь ночами,
Мой лес, ты — мой господин?
С тобою нас обвенчали
На долгие дни печали.
И больше ты не один.*

* * *

Озеро было безмолвно. Ветер лениво играл с водой, и гладь ее шла мелкой рябью, не тревожа бездны. Казалось, все кругом сковал глубокий сон. В воздухе разлилась безудержная дрема. Не было слышно ни шепота листьев, ни плеска у берегов, ни крика птицы. Тишина и покой эти, бескрайние и плотные, больше походили на смерть, чем на отдых.

Озеро спало. Спало так долго, что некому было рассказать о том, что творилось, когда оно бодрствовало. Давно уже сгнили в земле те, кто приходил к его берегам, обнажая тела и души, чтобы славить Хозяина леса. Принося ему жертву, прося о благословении. Не было их, не было их сыновей, не было сыновей их сыновей. Никого не было.

И только белые лебеди — тонкие, с длинными шеями и драгоценными бусинами глаз — опускались на гладь, медленно склоняя головы к воде. Утолить ли жажду, поприветствовать ли того, кто спит на далеком дне, — кто разберет?

Они прилетали из-за леса. Белоснежные перья — как легкие локоны, хоть в косы заплетай, алый клюв —

нежные уста молодой красавицы. Они рассекали воду грудками, ласкали ее крыльями, а после срывались в воздух без плеска и гомона, чтобы улететь прочь, за высокие деревья.

Так было всегда. Но не в этот раз.

Шесть теней появилось над границей лесных крон. И чем ближе они подлетали к озеру, тем светлее становились. В высоком небе, стремительно темнеющем, они были словно шесть отблесков лунного света. Саваном мерцали их скорбные перья.

Когда первая лебедушка прикоснулась к озерной глади, вода обняла ее, приветствуя как возлюбленную, как молодую невесту, как желанную женщину. Ее товарки заскользили по легкой ряби, склоняясь к воде так нежно, будто целовали милого друга.

Не успел закончиться первый круг, не успело солнце спрятаться за лесом, как лебедушки замерли, вытянули длинные шеи, всматриваясь в даль. Тянулся миг, тянулось другой. А на третий в небе появилась седьмая сестра. Черная, будто смоль.

Натянутая как струна, она спешила к озеру из последних сил, а когда опустилась на воду, белые лебедушки нежно заворковали, стремясь коснуться сестрицы.

Они заключили ее в кольцо, они кружились, они приветствовали ее, они ждали вестей. И вести эти стояли всех ожиданий.

ТА, ЧТО СПИТ

ОЛЕСЯ

Если лежать, сильно зажмурившись, то мир за границей век теряет реальность. Да и важность тоже. Там может оказаться просторная комната с васильковыми обоями и кованой мебелью, мрачная палата с мягкими стенами, и просыпающийся город, и обшарпанный гостиничный номер, и поблескивающая в отсветах диско-шара барная стойка. Словом, все что душе угодно. Эта неизвестность всегда казалась Лесе странно успокаивающей.

Она любила замирать в складках одеяла, как только будильник начинал новый день, и представлять, что за ночь она чудесным образом сбежала от всех проблем. И стоит только открыть глаза, она в этом убедится. Глаз Леся не открывала, зная, что чудес в ее жизни не бывает. Когда в комнату заходила мама — чуть рассеянная, всегда опаздывающая, по капле теряющая молодость и красоту, — веки все-таки приходилось поднимать, чтобы увидеть перед собой линялый ворс ковра, а никак не волшебную страну, о которой так отчаянно она мечтала.

Лесе вспомнилось, как страдальчески вздергивались тонкие мамины брови, как она вскидывала руки, повторяя и повторяя:

— Леся, ты опоздаешь... Леся! Просыпайся, ты опоздаешь, Леся!

И как от голоса этого, мельтешения вечного к горлу подкатывало раздражение.

Воспоминание было едким, оно дрожало в голове, разливалось внутри тяжелой болью. Так темная вода плещется на дне кувшина, стоит наклонить его в сторону. Когда к раздражению прибавилась тошнота, Леся открыла глаза. Моргнула, прогоняя мутную пелену. Вокруг был лес. Деревья переплетались ветвями, склонялись к покрытой мхом земле, шелестели листвой. Леся моргнула еще раз, надеясь, что картинка исчезнет, как дурацкая передача от клика пультом. И медленно опустила веки.

Теперь в ней билось не раздражение, а страх. Полное, тотальное непонимание. Она медленно втянула воздух, задержала дыхание и так же медленно выдохнула. В голове промелькнул образ просторного светлого зала. Подтянутые фигуры, пестрые ткани, мягкие коврики. И голос — тягучий, обволакивающий голос, просящий вдыхать и выдыхать. Так неспешно, как неспешно хочется жить. Настолько, чтобы умирание, от которого никому никуда не деться, перестало пугать и тело, и разум.

— Просто дышите. В этом обретается главная мудрость, — напевно тянул голос, медленно растворяясь в памяти.

Леся попыталась ухватиться за это воспоминание, но оно уже исчезло, пропало, будто и не было. Голову словно заполнил густой кисель. Мерзкий, с комочками крахмала и химозным красителем. Леся могла вспомнить долгое мучнистое послевкусие, но где и когда ей приходилось пить эту гадость — нет. Кажется, в детском саду. Страх стал еще отчетливее.

В нос ударил влажный землистый аромат. Леся тяжело сглотнула, в пересохшем горле будто поскребли наждачной бумагой. Все тело ломило, как после высокой температуры. Кожа казалась воспаленной и тоненькой, того и гляди лопнет. Но источник боли прятался чуть повыше левого виска. Именно там она пульсировала, то утихая, то накатывая и разбегаясь мутными волнами.

Леся попыталась пошевелиться, но затекшая рука, на которой она лежала, не слушалась. Где-то высоко шумели кроны деревьев. Этот звук, похожий на шепот прибора, убаюкивал. Свежий ветерок приятно охлаждал кожу. Пахло травой и землей. В бок упиралась острая веточка. Каждое ощущение было таким упоительно настоящим, что не верить в его реальность значило не верить и в свою собственную.

Но всего этого просто не могло быть.

Леся попыталась собрать мысли в единый комок, но они растекались густым киселем. Вспомнить, кто же заставлял ее пить розоватую жижу, когда это было и, собственно, было ли, не получалось. Чтобы не закричать, Леся до боли закусила губу. Если она и правда в лесу, заявлять о своем присутствии — плохая затея.

Леся сделала еще один вдох и снова открыла глаза. Всё те же деревья, все та же мрачная хвоя и зелень листвы. Лес равнодушно поглядывал на лежащую во мху, поскрипывая и шурша.

«Смешанный», — пронеслось в голове, и мысль отдалась тупой болью.

Леся заставила себя приподняться. Рука двигаться не хотела. Острые иголки пронзали кожу, пробежали по ней и снова возвращались, когда Леся наконец

сумела перевернуться и вытащить из-под себя безжизненную бледную кисть.

Пальцы слушались с трудом. Шипя сквозь зубы, она заставила их пошевелиться, потом сжала в кулак и медленно разжала. Оказалось, если сосредоточиться на чем-то одном, остальное уже не так важно. Но стоило руке обрести чувствительность, как саднящая боль у виска снова дала о себе знать. Леся потянулась к голове, пальцы нащупали что-то холодное и вязкое.

В неверном свете, пробивавшемся сквозь листву, кровь казалась почти черной. Но это точно была она. Леся медленно поднесла пальцы к губам. Во рту сразу стало солоно. Воспоминания завертелись, словно клубок ускользающей из пальцев пряжи: вот она с головой окунается в синюю-синюю воду, и соль тут же начинает скрипеть на зубах, а рядом кто-то смеется. Она поморщилась, пробуя ухватиться за образ, раскрутить его дальше, понять, что за море это было, когда его волны принимали Лесю в себя и кто вытаскивал ее на берег.

Но все ускользнуло, и соленая вода снова превратилась в мерзкий кисель.

«Клубничный», — воспоминание вспыхнуло, как молния в ночном небе.

Кисель был клубничный. Вязкий, с крахмальными комками, пить его заставляли в садике с табличкой «Василек» возле красной двери. Водила Лесю туда бабушка, единственная работающая бабушка во всей группе — деятельная, с морщинистыми руками. И так, из одних рук в другие, Леся каждый день попадала в плен манной каши, киселя и послеобеденного сна. Садик она, конечно, ненавидела. Но молчала, чтобы не расстраи-

вать маму. Та обещала, что будет забирать ее пораньше, но каждый раз опаздывала. И всю дорогу домой молча тащила за руку через облезлый сквер, отделяющий сад от их девятиэтажки.

Картинки обрушились на Лесю, словно лавина. И мама в желтом плаще, и кисель, едко пахнущий клубничным ароматизатором, и сквер этот с прелой листвой и скрипучим песком.

Она застонала и прижала ладонь ко лбу. На коже остались кровавые отпечатки. Голова болела отчаянно; солнечный свет, пробивавшийся через кроны деревьев, тускнел. Леся бессильно опустилась на землю. Стало холодно. По плечам побежали мурашки. Нужно было попытаться встать, оглядеться, понять, как она оказалась здесь и что теперь делать, но Леся никак не могла заставить себя пошевелиться.

Медленно погружаясь в сон, она словно опускалась глубоко под воду. Не чувствуя, как мертвенная синева заливает губы и как твердеет в корку запекаясь на виске кровь. Ветер скользнул по влажной коже, запутался в растрепанных волосах, приподнял подол длинной рубашки, и без того слишком большой, будто снятой с чужого плеча. Но и его холодные прикосновения не отрезвили. Леся плотнее прижалась грудью ко мху, втянула сосновый запах опавшей хвои и позволила сознанию неспешно ускользнуть еще дальше.

— Пошла! — Голос, сотканный из завываний ветра, заставил ее распахнуть глаза.

Небо успело стать непроглядно-черным. Лесю обступил ночной, взволнованный бурей лес. Она рывком поднялась с земли: слабые ноги задрожали, перед глазами все поплыло.

— Пошла! — Порыв ветра наклонил тонкий молодой ствол березки, ветки зашуршали совсем близко, будто желая до нее дотянуться.

Леся рванулась в сторону, в голове затрепетало пламя боли.

— Пошла! — Ветер неистовствовал, шумели кроны, переплетались ветвями, подгоняли окаменевшую от страха Лесю.

Дурацкая рубашка, пропитанная влажностью мха, облепила ноги. Леся наклонилась, чтобы одернуть ее, удивилась было, откуда вообще взялась у нее эта грубая ткань странного кроя, но боль полыхнула, заполняя собою все пустоты, прогоняя мысли. Порыв холодного ветра ударил Лесю в грудь, пыль, которой он щедро осыпал ее с головы до ног, запорошила глаза. Не видя ничего вокруг, Леся подхватила подол рубашки и побежала не разбирая дороги.

Ветер гнал ее, завывая в беспокойных кронах. Леся вытянула вперед руки и все пыталась вспомнить, с какой стороны растет на деревьях мох, словно бы направление ее испуганного, бездумного бегства могло что-то исправить.

Голова отзывалась болью на каждое движение, но Леся не останавливалась. Ей казалось, что ветер гонит ее вперед, точно зная конечную цель. И когда он внезапно исчез, Леся тут же остановилась сама, тяжело переводя дыхание.

Лес вокруг безмолвствовал. Деревья больше не шумели, злой ветер стих. И шепот, который Леся слышала сразу со всех сторон, пропал вместе с ним. Теперь в плотном ароматном воздухе можно было различить тихий стрекот зарослей. Над ними с уханьем пролетела

птица. Леся успела разглядеть, как блеснули в темноте ее большие глаза.

«Неясыть», — услужливо подсказала память.

Высокий мужчина держит Лесю за руку. То ли он правда почти огромного роста, то ли сама Леся, глядящая на него снизу вверх, еще совсем маленькая.

— Смотри, — говорит мужчина; крупные зубы блещут в полутьме. — Там, за кустами! Видишь? Неясыть.

— Это сова. — Леся вспомнила, как смех щекотал ей горло, но она сдерживала его, боясь испугать крупную птицу, что тарасилась, не моргая, из колючей тьмы.

— Правильно, сова. — Он тянет руку и гладит Лесю по голове. — Сова неясыть.

От его прикосновения, сильного, но осторожного, стало так спокойно, что темнота леса чуть отступила. Но воспоминание всколыхнулось липкой волной киселя, захлестнувшей и хмурую сову, и мужчину с крупными зубами и тяжелой ладонью.

Леся застонала, машинально прижимая пальцы к источнику боли. Запекшаяся корка тут же лопнула, рана снова открылась, кровь заструилась по виску и дрожащим пальцам. Лесю замутило, лес качнулся перед глазами, и вот она уже осела на холодный мох, не чувствуя мигом ослабевших ног.

«Волки чуют запах крови за несколько километров». — Грузная учительница в твидовом костюме стучит по доске указкой.

Леся вспомнила, как томительно скучно было на уроках биологии, если их вела Наталья Додоновна — кажется, так ее звали. Как клонило в сон от ее монотонного голоса. Как Витя Петров подбрасывал девчонкам свер-

нутые записочки, а те делали вид, что им это безразлично. Но краснели до корней волос.

Память всколыхнулась, смывая волной киселя Наталью Додонову и острое чувство первого, совершенно безотчетного возбуждения, покрывавшего кожу мурашками, стоило бумажной записке упасть на ее, Лесину, парту.

Почему попытки вспомнить хоть что-то, кроме образов прошлых лет, вызывают тошноту и невыносимую ломоту во всем теле, Леся понимала смутно. Рана на виске пульсировала. Сил подняться не было. Леся попыталась крикнуть, но из пересохших губ вырвался только хрип.

— Если потеряешься в лесу, что нужно кричать? — В переливах света, мелькавшего между листвой, лица было не рассмотреть — только спутанную бороду и блестящие зубы.

— Ау...

Леся тут же вспомнила и слово, и радость нахождения рядом с тем, кто ему учил.

— Ау! — вырвалось у нее за мгновение до того, как образ растворился в клубничной жиже. — Ау! Ау! — кричала она, надрывая и без того пылающее болью горло. — Ау! Помогите! Кто-нибудь! Ау!

Живая темнота ночного леса покорно впитала ее крик, зашумела, закачалась в ответ, и снова воцарилась тишина.

— Ау... — принимая поражение, прошептала Леся.

Сознание ускользало подобно воспоминаниям, которые яркими всполохами загорались в нем и тут же гасли. А без них и сама Леся истончалась, теряла всякую вещность.

«Клубничный», — еще раз напомнил Лесе затухающий разум, а после наступила тьма.

* * *

Первым, что она почувствовала, придя в себя, был чей-то взгляд. Легкой щекоткой он пробегал по коже — чуть ощутимо, но не давая ни мгновения продыху. Леся осторожно приоткрыла глаза.

Яркий свет ослепил ее. В широко распахнутые окна било солнце. В крохотной комнате было тепло и сухо, воздух пах нагретым деревом и какими-то травами — чуть горько, но успокаивающе.

Леся попыталась приподняться, но притихшая боль тут же ощерилась, впиваясь в плоть. Леся потянулась к ране, мысленно содрогаясь от отвращения, но вместо спекшейся крови пальцы нащупали плотную ткань, которая надежной повязкой охватывала голову.

Кто-то нашел Лесю в лесу. Кто-то откликнулся на ее отчаянный крик. Кто-то принес ее в теплый сухой дом и сделал все, чтобы рана не воспалилась. Кто-то спас ее.

А теперь этот кто-то следил за ней, не сводя любопытных глаз.

Леся замерла, прислушиваясь. Под ногами невидимого наблюдателя скрипела деревянная половица. Он сопел и ерзал, прижимаясь всем телом к двери, а та легонько подавалась вперед, делая щелочку все шире. Одним рывком Леся повернулась навстречу шорохам и тихо рассмеялась от облегчения.

В дверном проеме маячило круглое мальчишеское лицо. Курносый, с яркими веснушками и щербинкой между зубами, ребенок заглядывал в комнату. Но стояло его прозрачным, словно утреннее небо, глазам встре-

титься с глазами Леси, как любопытство сменилось страхом.

— Эй, — прохрипела Леся.

Мальчик тут же побледнел и попятился.

— Эй, иди сюда! — попросила его Леся, постаравшись улыбнуться.

Но получилось плохо. Мальчик вскрикнул, развернулся и побежал, мигом скрывшись в полутьме коридора, только мелькнула белая рубашка с вышивкой по воротнику да голые пятки застучали по деревянному полу.

Леся со стоном опустила на подушку. Ее слегка подташнивало, словно она только сошла с карусели. Это странное ощущение, когда твердая земля вдруг уходит из-под ног, а тело за ней не успевает, оставляя голову пустой и гулкой, а желудок — повисшим в невесомости, всегда было для нее упоительно приятным.

Ей тут же вспомнилось, как долго приходилось уговаривать бабушку, канючить и дуться, чтобы субботним утром сесть в автобус и с тремя пересадками добраться таки до парка аттракционов. А там есть сладкую вату, облизывая липкие пальцы, и выбирать, на каких качелях прокатиться.

— Только два раза, — строго предупреждала бабушка. — А то опять плохо будет...

«Плохо» в бабушкином понимании было все, что вызывало у Леси приступы звонкого смеха и легкую тошноту. А значит, весь этот парк был плохим. С его облаками сахара, ростовыми куклами и блестящими качелями.

Леся точно знала, когда была на аттракционах в последний раз. Ветреный апрель, шестой класс, узкое в плечах пальтишко с розовыми лацканами. Но что за качели она выбрала тогда и почему никто больше